

Олег ГОНТАРЕВ

САНАТОРИЙ С БЕЛКАМИ

В этом номере класса «стандарт», обычном двухкомнатном номере, кроме телевизора в стенке, в зале стоя-

да еще мягкая светло-зеленая мебель. В соседней спальне уютно расположились две односпальные кровати и две прикроватные тумбочки. Спальня была совмещена с небольшой кладовкой, а по сути — маленькой комнаткой с прихожей по одной стене, полками для постельных принадлежностей — по другой и зеркалом с небольшой полочкой, очевидно, для женских надобностей — по третьей. Здесь было замечательно лежать на плюшевом покрывале, тихонько прикасаясь рукой к любимой женщине и перешептываться с ней о чем-то нежном, светлом и свежем, как летний санаторный воздух за окном.

Окружающая обстановка активно способствовала их романтическому настроению. Второй половины уральского августа, нетронутого соснового бора в десяти метрах от корпуса и всего остального здесь было вполне достаточно для одного счастья на двоих. Правда, в номере стояли две односпальных кровати, вместо одной двухспальной, но фактически это ничему не мешало.

— Чего хочет мужчина? — в голосе Ольги зазвучали игривые нотки. Вместо ответа Виктор повернулся в ее сторону, освобождая любимой половину своей кровати:

— Оля, иди сюда...

Спустя несколько часов, они вышли на улицу. Воздух начинал темнеть и сгущаться.

— Ой, смотри! — женщина взяла его за руку. — Белка! К нам бежит! Есть у тебя что-нибудь ее угостить?

— Здесь белки умные, — раздался рядом мужской голос.

— Им уже только семечки или орешки подавай. Я тут одной, что прямо на грудь ко мне по брюкам залезла, хотел печенья раскрошенного дать. Не стала есть, убежала.

— А комары тут! — Виктор трижды хлопнул себя по руке.

— Смотри, Оля! Огромные, как лошади и летают, кстати, табунами! И сюда же добавить злость их собачью!

— Пойдем домой лучше, — женщина прижалась плечом к его плечу. — В номере хоть какое-то спасение от этих иродов рода санаторного, может, найдется.

В корпусе звон летающих вампиров хотя и значительно ослабел, но всё-таки остался.

— Не дадут они нам обняться! — женщина хлопнула в воздухе в ладоши. — Один есть! Ах, его уже нет! Давай сначала их всех переколотим!

— Нет, — он шагнул к открытой балконной двери. — Сначала — это закрыть. А дальше — в его руках оказалась сложенная в несколько раз старая газета, он прыгнул и громко хлопнул ею по стене — вот это! Почти как в волейбол играю! Только без мяча и соперника.

— А я, как соперник, уже не гожусь, что ли? — она тоже хлопнула газетой по стене. — Один-один!

Спустя несколько минут прыжков и хлопков они, смеясь, опустились на одну из двух кроватей.

— И кто — кого у нас сегодня? — он снял футболку.

— Победила дружба? — она, придерживая, расстегнула бюстгальтер. — Я в душ!

— Победила любовь! — он поднял указательный палец. — Я — с тобой!

На темном потолке номера оживали серые тени ветвей деревьев в свете редких автомобильных фар. Ночное видео сопровождалось шорохом темных ветвей первозданного бора. Белые облака на фиолетовом небе играли в догонялки со звездами, а те, хитро подмигивая, словно дразнили небесных странников:

— Поймай меня! Ах, ну да! Конечно! Пока ты — молодец! А дальше? Смотри. Ты улетаешь, а я остаюсь! И чья, в итоге, взяла?

— Оля, спишь? — Виктор шепотом позвал женщину. — Иди сюда!..

— А ты сам как думаешь? — она обвила его шею горячими руками, — можно ли спать в такую ночь? Подожди. Тихо. Слушай. Звонит здесь комар хоть один?

— Здорово мы повоевали! А теперь я больше не желаю ничего знать! — и он устами нащупал ее уста.

Книги Виктора были хорошо известны в столичных литературных кругах. И конечно, без сумки с его литературой его внешность никто не мог себе представить. Вот и в санаторий он взял с собой два самых свежих своих издания.

— Вон к той паре, — он указал взглядом на мужчину с

женщиной лет тридцати пяти — сорока в окружении троих детей — давай подойдем? Книгу мою предложим хоть одну. Здесь у всех, по-моему, карманные деньги есть в некотором количестве.

— Идем, — ответила его спутница. — Мне тоже интересно стало, дети — это все трое — их?

— Добрый день! — Виктор подошел к резной деревянной скамье, на одном конце которой сидел вырезанный вместе со скамьей старичок-лесовичок, с большой грибной шляпой на голове, большими добрыми глазами, с бородой до пояса и основательной суковатой тростью в руке. Рядом с фигурой старичка сидела женщина лет тридцати пяти, с детской коляской. В коляске спал ребенок нескольких месяцев, по шляпе резного деда лезла его старшая сестра, очевидно лет трех-четырёх, а чуть поодаль носился средний братишка, лет двух от роду.

— Книги о любви читаем? — Виктор показал свой сборник.

— Если нет там секса или эротики, знаете, как это везде сейчас, то очень даже читаем, — ответила женщина.

Вместо ответа брови Виктора от удивления поползли вверх.

— Не удивляйтесь, — ответила женщина. — Сейчас ведь секс этот с эротикой — на каждом углу. Детей только мало. А почему? Все думают. О здоровье своем, и детей своих. А думать надо, для начала, с кем, как и для чего этот самый секс происходит. Мы с мужем оба воцерковленные. Всякие контрацептивы — это грех большой. Поэтому у нас, пока молодые — плюс один год жизни и плюс один ребенок. А вы здесь давно? Нравится ли?

— Завтра уже домой. На четыре ночи сюда. Пока посмотреть нам захотелось, как тут и что. Понравилось. Следующим летом, будем живы-здоровы, еще приедем, уже дней на десять.

Утром следующего дня они сдавали сотрудникам санатория ключи от номера. В полосатой палатке неподалеку торговали разными санаторными сувенирами. Виктор купил магнит на холодильник, где была изображена эмблема санатория. Под радугой красовались зеленые треугольники елей, а внизу рыжей молнией летела белка.